

Ирина Щеголова

Елена Усачёва

**БОЛЬШАЯ КНИГА
РОМАНОВ О ЛЮБВИ
ПОД ЗНАКОМ ЗОДИАКА.
СТИХИЯ ЗЕМЛИ**

Любовь под знаком Зодиака

Елена Усачева

Дева. Звезда в подарок

«ЭКСМО»

2010

Усачева Е. А.

Дева. Звезда в подарок / Е. А. Усачева — «Эксмо»,
2010 — (Любовь под знаком Зодиака)

ISBN 978-5-699-39218-6

Как и все Девы, Юля привыкла полагаться не на эмоции, а на разум. Тщательно анализировать факты и только потом принимать решения. Именно поэтому она и рискнула пойти в поход... Юле хотелось узнать, каким на самом деле окажется Петька – мальчик, понравившийся ей в чате. Но путешествие не задалось с самого начала. Петька вел себя странно и... по-прежнему непонятно. А потом у Юли исчезла тетрадка, куда она записывала все свои мысли. Кто мог взять ее дневник?! И что делать, если он попадет к Петьке?..

ISBN 978-5-699-39218-6

© Усачева Е. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

1. Река, палатка и гороскопы	5
2. Покровитель тропы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Усачева

Дева. Звезда в подарок

1. Река, палатка и гороскопы

«Типичная Дева (если, конечно, не вмешались какие-нибудь плотно сбитые предки) обладает стройной, худоцовой фигурой, большой гибкостью, красивыми, умными и ясными глазами. В чертах лица читаются спокойствие и уравновешенность. Большинство Дев на редкость привлекательны».

Линда Гудмен

Речка журчала, перекатываясь по камням, крошечными водопадами прыгала по крутым уступам, взбрызгивала, ахала и бежала вперед, бросаясь в притихшую тайгу солнечными бликами. Глядя на веселые перекаты, начинало казаться, что вода теплая. Ведь только в теплой воде могла отмыться эта перепачканная кашей миска. Но это все был обман. Вода оставалась ледяной, не способной снять жирный налет с эмалированных боков.

Юля вынула из кармана кусочек мыла – она с самого начала поделила свое мыло на две части: одну для себя, для умывания, а вторую для посуды, и этот маленький обмылок, завернутый в целлофановый пакет, всегда клала в мешок с миской и кружкой. Вместе с мылом она достала несколько больших жестких листьев какого-то кустарника, росшего около палатки. Травой мыть удобней. Она острая, хорошо снимает грязь. А еще лучше песком. Только потом все равно надо прополаскивать посуду с мылом. И руки еще долго остаются противно-липкими. Но травы здесь нет, песка тоже. Остаются листья.

– Чаруша! Ты уже здесь? – На Юлю сначала полетели камни, потом послышались шагоползны, и вот уже сверху свалилась-приехала толстая Ирка Харина. – Чем моем? – Яркоранжевая миска с отбитой эмалью плюхнулась в воду. Юлину тарелку подхватило набежавшей волной, качнуло и снова вынесло на камни. – О, листики!

Ирка двумя быстрыми движениями вытряхнула из своей посуды прилипшие кусочки еды, промахнула миску листьями, поболтала ее в воде. Остатки листьев зелеными ошметками вернулись на прежнее место рядом с кусочком мыла.

– А у мальчишек палатка уехала. – Харина рассматривала ложку – мыть, не мыть? Она была вылизана до блеска и в особой помывке не нуждалась. Или все-таки ополоснуть? Мыть было лень – вода студеная, и еще холоднее было смотреть, как Юля, склонившись, медленно водит в ней рукой.

– Им вчера говорили, что палатку так не ставят, – с как можно большим презрением отозвалась Юля. Листьями она уже пользоваться не стала. Скребла миску камешками с песком, от чего рукам было особенно зябко, и это рождало еще большее раздражение.

– Царицын рюкзак из-под тента стал вытаскивать, она и поехала. – Ира расстройство подруги не замечала – ее миска была кое-как вымыта, и этого, казалось, было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливой.

– Надеюсь, Царицын полетел вслед за рюкзаком, – недовольно поджала губы Юля.

– Чего ты на него взъелась? Оттяжки у тента порвались, вот она и поехала. – Ирка уперла руки в бока, но тут же уронила их. «Как баба на чайнике», – вспомнились слова Юли. Подруга умела сказать резко, но очень точно.

Юля фыркнула, отвернулась и засмеялась в голос.

– Чего смешного? – растерялась Ирка. – Палыч сказал, что следующую ночь они вообще без палатки спать будут, если эту не починят. – На каждое ее слово Юля взрывалась новым приступом смеха. – Ну, что ты смеешься? Где они новые веревки возьмут?

– Дураки! – простонала Юля, успокаиваясь. – А зачем рвали, если новых нет?

– Так кто же думал, что так получится? – Харина растерянно развела руками. – Они вчера хотели место покрасивее найти. Там, и правда, с обрыва вид хороший открывается.

– Они ее *красиво* не закрепили, вот все и полетело, – мстительно закивала Юля. – Когда мозгов нет, новые оттяжки не помогут.

Юля резко выпрямилась, посмотрела на звенящую реку. Всю ночь этот звук катился-переливался у нее в голове и поначалу ей нравился. Но когда ворочаться с боку на бок не было уже никаких сил, когда камень (или корень?), попавший под пенку, извел окончательно, ее стал раздражать и этот звук. Как бесконечный поезд, гудит и гудит, временами налетая, временами убегая прочь. Но неизменно возвращаясь.

Ирка глянула на тонкую фигуру подруги, и ее в который раз кольнула зависть. О чем еще можно мечтать, имея такую фигуру и такое лицо? Будь у Ирки хоть десятая доля Юлиной красоты, она бы песни пела от восторга, а эта все время молчит, сторонится мальчишек, слова лишнего из нее не вытянешь.

Ирка разозлилась. Нет, взбесилась! Она шарахнула миской о берег и гневно топнула ногой:

– Сама говорила, что тебе Ткаченко нравится, а теперь ругаешься!

– У каждого в жизни бывают ошибки, – пробормотала Юля, не отводя глаз от противоположного берега.

– Ничего себе ошибки! – Ирка сделала два шага по склону, но тут же поехала вниз, оказывая подругу фонтаном камешков. – Мы из-за тебя тут ноги ломаем, я спать не могу – пенка эта чертова такая тонкая, что мне кажется, я лежу на голой земле... Каша манная поперек горла встала. Запах дыма мне везде мерещится. А рюкзак? Сама понесешь мой рюкзак, раз такая умная!

– Не шуми, – Юля всего лишь поморщилась на эту длинную обвинительную речь.

– Нет, я буду шуметь! – кипятилась Ирка. – Кто нас затащил в эту тмутаракань? А расписывала-то – Алтай, красота, птички, цветочки, компания веселая! Ничего себе веселая! Один кривой, другой косой, и ни один костер развести не может!

– Никто не знал, что так получится. – Юля упрямо сверлила взглядом реку. Она была такая легкая, такая веселая, все в ней было правильно. И камни, и перекаты, и звон струи, и даже солнце отражалось строгим красивым рисунком. И только Иркин крик тут был лишним. – Ты вместе со мной ходила на сборы. Все сама слышала.

– Я слышала? – Харина метнулась туда-сюда по берегу.

Она бы разнесла здесь все к чертовой бабушке – и эту глупую речку, и бестолковые горы, и даже солнце ее сейчас бесило. Лучше бы дождь, честное слово. Ой, мамочки, о чем она?

Ирка хлопнула себя ладонью по губам. Не надо дождь! Не надо! Еще недельку без дождя. Им дойти до этого чертова озера, а там, говорят, до людей рукой подать, через ледник перебраться – и все. Не надо дождя! Вообще ничего не надо!

– Олег Палыч обещал легкую прогулку по пересеченной местности! – не менее сердито, но уже гораздо спокойней заговорила она. – А мы уже второй день идем через какое-то болото. И если кто-нибудь опять заболеет, я больше с места не сдвинусь! На меня нагрозили все Катюхины вещи. Она выздоровеет, я на нее свой рюкзак повешу.

– Болеть плохо, – качнула головой Юля. – Тем более в походе. Ты разве не видишь, как она расстроена? Да если бы не Палыч, она так и волокла бы свой рюкзак. А ей нельзя. Больным лежать надо, а она с нами идет.

– Что ты ее защищаешь! – Ирка уперла руки в бока, и ей было плевать, как она при этом выглядит. – Ты на себя посмотри! Мы зачем в этот поход пошли?

– Может, не надо? – Даже птицы замолчали, собираясь услышать ответ на этот вопрос.

– Что? Жалеешь? – затанцевала от нетерпения на месте Ирка.

– Ничего я не жалею, – отмахнулась Юля.

– Жалеешь! – противно тянула Харина. – Разлюбила уже, да? Ах, Петечка, ах, какой хороший, ах, какой красивый, ах, как пишет! Лучше бы ты с ним в городе встретила! А то потащила черт знает куда!

– Он ведь, правда, другим был! – От этих слов Юля словно проснулась. – Ты же видела! И писал так... хорошо. Я на него давно внимание обратила. Он первым был, кого я там заметила. Скажешь, не красивый?

– Подумаешь, красивый! – не сдавалась Ирка. – Ходить не умеет! Чего он в первый день ногу подвернул? Тоже мне – походник! – сказала, как выстрелила, она.

– А перед кем он вперед бежал? – разозлилась Юля. – Ты первая стала считать, кто больше придорожных камней найдет! – Она засопела, чувствуя, как ее раздражение начинает разливаться по всей долине, гася солнце, убивая шум реки. – Не знаю, что с ним случилось. В чате он совсем другим был.

– В чате! – орала Харина. – Не могла в приличном месте познакомиться с парнем. На дискотеке или на улице – хоть видишь, с кем разговариваешь. А в чате все козлы! Он небось фотку Брэда Питта повесил или Орландо Блума!

– Своя у него была фотка, – снова отвернулась Юля и только сейчас заметила, что солнце, и правда, погасло, что речка больше не блестит, а журчание из веселого превратилось в насто-роженное. – Но мне кажется, что это был не он. Понимаешь, он так хорошо писал, так все правильно объяснял. Я поэтому его и заметила. Все чушь несли, а он... девчонке одной помог. У нее с родителями проблема была. Потом еще кое-что. Я сначала только следила – что он делает, как себя ведет...

– А потом увидела, как он организовал группу этого дьявольского похода, и помчалась к ним в клуб. – Ирка тоже успокаивалась, с тревогой поглядывала на небо, прислушивалась к тому, что происходит на горе. – И зачем я только дала себя уговорить!

– А он какой-то странный, – вздохнула Юля. – Вроде те же слова говорит, а приглядишься... все не то.

– Их вместе сложить надо, Ткаченко с Царицыным, тогда дело получится, а так... – Ирка утомленно сползла с обрыва, подобрала миску, пощелкала по отколотому краю. – Один хромает. Другой болтает. Оса его еще эта укусила. А вдруг Мишка ослепнет. Что тогда?

– Тогда ты будешь водить его через дорогу за руку и рассказывать, какого цвета небо.

– Всю жизнь?

– Половину. – Юля тоже подняла свою миску, вложила мыло в пакетик. – Вторую половину он будет спать. С тобой.

– Чаруша! Хватит уже! – вспыхнула Ирка и опять начала карабкаться вверх. Навстречу ей обвалом полетели камни, она замахала руками и остановилась.

– Ну, чего вы? – мчался сверху Мишка Царицын. – Дождь собирается, а у вас еще вещи не собраны! Палыч сказал, уходим. Будем тучу обгонять!

Мишка был долговязым чернявым парнем, с узким остроносом лицом. Когда он клонил голову вбок и чуть вниз, то начинал походить на галчонка, высматривающего в земле червячка. Сейчас это сходство было не очень заметно, потому что половина лица у Мишки опухла, около левого глаза краснело воспаление, из-за чего еще недавно веселый темный глаз полузакрылся, заставляя своего хозяина разворачивать голову влево, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Неприятная встреча с осой, случившаяся вчера днем, несколько не смущала Царицына. Что с укусом,

что без него, он все так же носился по тайге, поддевал девчонок, не давал жить Ирке Хариной и влипал в бесконечные истории.

– Толстая, шевелись! – подгонял он Ирку сзади. – Без нас весь дождь пройдет.

– Отвали! – кинула Харина в Мишку камешек, но Царицын увернулся, забежал вперед, чтобы, в свою очередь, осыпать противницу порцией песка и камней и снова скатиться вниз.

– Не стой на месте! Горы развалишь, – крутился Мишка.

Подруги поднялись наверх. Шум воды отступил, первые же деревья смягчили шипящую реку, превратив ее голос в постоянный навязчивый гул улицы за окном.

Небольшая площадка, где уместились три палатки на десять человек, притулилась около обрыва. Две палатки были собраны, и только одна, небольшая двухместная с потертым зеленым тентом, обвисла над пропастью, раздумывая, свалиться ей прямо сейчас или подождать, когда кто-нибудь отважится к ней подойти близко. Около палатки толпился народ, звучали противоречивые советы. Все сводилось к тому, что складывать палатку придется, что ее надо как-то вытянуть на ровное место. Тяжелые вещи, оставшиеся внутри и перевалившиеся через кручу, осложняли задачу.

– Будете тянуть, порвете днище.

Даже среди рослых подопечных руководитель группы Олег Павлович выделялся, обгоняя всех в росте на голову, а то и на две. Крепкий, с шапкой густых кудрявых волос и в паганелевских очках, он на всю эту суету смотрел со снисхождением. Что скажешь – дети! Что бы ни случилось сейчас с палаткой, вечером эти черти снова ухитрятся все сделать так, чтобы утром решать очередную глобальную проблему. Если не с палаткой, то с оставшимися консервами – кто их понесет и в каком количестве; если не с консервами, то с водой – для перехода набирали три пластиковые бутылки воды, чтобы пить по дороге, чтобы делать дневной чай, и опять же – кто понесет, у кого рюкзак тяжелее. Болеет Катя Ивашкина, и, кажется, кое-кто еще начинает хлюпать носом. Все это было привычно, все это было знакомо – поход не первый и, дай бог, не последний. И если удастся расшевелить эту инертную компанию, то они тронутся в путь до дождя, если нет, то вечером пара спальников мокрыми окажутся, натертые в сырых кроссовках ноги, потерянные кепки, забытые миски, сломанные перочинные ножи... Да мало ли чего! А поэтому обращать внимание на все это не стоит. Сами разберутся. Причем решение будет самое сложное, самое бестолковое, но это будет их решение. И пускай колупаются с этой палаткой, которую поставить ровно несложно. Но мальчишки ведь не ищут легких путей.

Олег Павлович многопалубным лайнером проплыл мимо ребят к своему рюкзаку. Вещи заболевшей Ивашкиной до сих пор были распределены среди ребят, но кое-кто уже возмущался, и надо было хотя бы спальник ее пристроить у себя. А рюкзак и так был тяжелый. Олег Павлович чувствовал это не потому, что его трудно было поднимать или неудобно долго нести. Рюкзак всегда с ним был одним целым. Но уже вчера появилось стеснение в груди, а это верный знак, что рюкзак перегружен, сердце начинает пошаливать, и кого-то из мальчишек надо просить помочь. А это опять крик...

Споры вокруг палатки разрастались. Хохмач и бездельник Сережка Даушкин предлагал обрубить оттяжки, все еще удерживающие ее на площадке, дать ей упасть, а потом уже собирать вещи внизу. Основательный Инвер Мустафаев советовал подпихивать палатку снизу, но была опасность, что завязки не выдержат и вся махина придавит незадачливого спасателя собой. Самым простым способом было вытянуть палатку наверх – и вещи будут спасены, и падать никому не придется. Но перспектива порванного днища, а значит, постоянных сырых ночевков, не устраивала насуспенного Петро Ткаченко. Он стоял около входа в палатку, смотрел на обвисший край, словно взвешивал все плюсы и минусы сложившейся ситуации. Он был высокий, худой, с лохматыми светлыми прямыми волосами, с большим, но не портившим его лицо носом и растерянной улыбкой.

– Походники! – презрительно бросила Ирка.

Пока они ругались с Бочарниковой у речки, их палатку сложили, все вещи вытряхнули на землю. И если Чарушин рюкзак таинственным образом оказался собран, то ее спальник лежал на пенке, пакет с одеждой под сидушкой, свитер, из которого она делала на ночь подушку, распластался по земле. И как это у Бочарниковой получается так легко и быстро собирать вещи? Вроде бы вместе сидели около костра, завтракали, Юлька на секунду раньше ушла к речке мыть посуду – и вот уже у нее все готово. У, тихушница! Молчит, молчит, вроде даже не шевелится, а потом оказывается, что у нее сделано лучше всех.

Второе утро подряд Ирка давала себе слово делать все быстро, но время с ней играло злую шутку – для Юльки оно растягивалось, а для Ирки сжималось, так что ничего не получалось сделать. Совсем ничего!

– Стой! – пронесся мимо нее Мишка. Ира не успела повернуться, как раздался треск, над поляной метнулось испуганное «ах!» и наступила тишина.

– Петро! – запоздало крикнул Царицын. В ответ ему раздалось глухое шебуршание.

– Идиоты! – расталкивая всех, пробежал Палыч. – Кто там?

– Ткач. – Царицын бестолково гнул голову, пытаясь рассмотреть хоть что-то.

Случилось страшное. Палатка сорвалась. А все потому, что Ткаченко полез в нее достать вещи.

– Мы хотели ее вытащить, но чтобы без дырок, – лепетала запоздалые объяснения бледная Оля Лебедева. – Вы же сами сказали!..

– Да что вам говорить, – отмахнулся Палыч, ногами вперед прыгая с обрыва. – Лучше бы вы вообще без палатки спали! – Шорох оползня отозвался далеким криком: – Всем быть на месте!

Царицын, уже готовый прыгнуть за другом, покачнулся, взмахнул руками, задел Инвера, за что получил тычок в спину и съехал чуть вниз.

– Чего он туда полез-то? – задыхаясь, спросил Мишка – на шум он прибежал от реки, где прикладывал холодные камни к своему пострадавшему глазу.

Никто толком не мог вспомнить, как Петька оказался в палатке и за какой ценной вещью он туда полез. Все оставались на обрыве, топтались, сбрасывая землю и камни вниз, вглядывались в качающиеся маленькие елочки – палатка укатилась далеко, и за деревьями ее не было видно. Слышалось только странное уханье, да завывал в вершинах кедрача ветер.

– Ну, чего там? – Мишка все пытался забраться на устойчивое место, коварный оползень стаскивал его обратно.

– Эх! – не выдержал низенький крепкий Инвер и прыгнул прямо на елки. Через секунду он уже исчез, и за деревьями вновь послышалось его «Эх! Эх!».

Народ в панике отшатнулся назад, чуть не сбив с ног Юлю. Пока все суетились на обрыве, она отвязала оборванные оттяжки от палатки и тента. Было их немного, порцию веревок от переднего угла утащил с собой куст, к которому была привязана палатка. От несчастного растения остался корень и одинокая ветка.

Юля погладила вывернутую землю.

Ей было жалко всех. И этот неправильно вывернутый куст, и эти зачем-то оторванные оттяжки, и глупого Петро, и Палыча, который вынужден сейчас карабкаться наверх и вместе с ребятами тащить неудобную перепачканную палатку. Жесткий негнувшийся материал палатки будет вырываться из рук, ботинки и штаны окажутся испачканными... А впереди целый день ходьбы. Все это было неправильно. И главное – совершенно непонятно, что делать дальше. Надо было все обдумать, взвесить. Но эти горы, этот воздух, этот всю ночь непрекращающийся шум реки – они мешали сосредоточиться, внося в некогда стройные мысли разброд.

И что Ирка ругается? Ведь еще ничего непонятно.

Юля спрятала веревки в боковой карман рюкзака. Все-таки хороший ей достался рюкзак, небольшой, зелененький, с клапаном, похожим на пасть крокодила. В него так удачно все

помещается – спальник, вещи, миски, ложки, продукты. А под клапаном есть надежный карманчик. У Юли там лежит зеркало. Конечно, на себя в походе смотреть – занятие неблагодарное. Дым от костра быстро пачкает волосы, кожа лица обветривается и начинает шелушиться, сохнут губы. Но зато глаза за два дня налились синевой неба и заискрились на солнце. И хоть от постоянного прищура в уголках глаз появились морщинки, они нисколько не портят ее. Наоборот, взгляд от них кажется веселым.

Юле нравилось смотреть на себя в зеркало, и своему отражению она неизменно улыбалась. Тогда ее худое лицо переставало быть таким угловатым. Тонкие губы и тонкий нос чуть округлялись. Нет, она определенно была хороша, особенно в профиль. И прозрачно-серые глаза, в которых сейчас была готова отразиться вся тайга с бескрайними алтайскими горами, были неплохи.

И почему ее Ирка зовет Чаруша? Есть в этом что-то от чары, чешуек и чебурашки. Ее фамилия Бочарникова. Красиво и просто. Хотя нет, лучше уж Чаруша, чем Бочка. А пусть бы и Бочка, все равно эта кличка к ней не клеится. Ну, какая она бочка? Высокая, тонкая, с изящными красивыми кистями рук, с пропорциональным телом. И грудь у нее ничего себе. Конечно, не такая, как у Ирки, Харину никто не переплюнет, но все равно красивая.

– Уф, все живы! – Ирка шумно прошла у Юли за спиной, так что она успела заранее сложить и спрятать зеркало. – Ткаченко опять свою больную ногу ушиб. Говорит, за фотиком полез. Прикинь, у них теперь вся палатка в смоле.

Ирка начала запихивать в рюкзак свои вещи. Спальник мешался со свитерами и футболками, кроссовки по отдельным пакетам разошлись один на дно, другой под клапан. Харина знала, что будет потом их искать. Что один непременно запрячется так, что его уже будет не достать и придется все выворачивать. А если дождь? А если темно? Но чего сейчас об этом думать, если до дождя далеко, а до темноты и того больше?

Над головой заворчал гром. Юля вытянула из рюкзака дождевик, положила его сверху. И зачем все-таки Ткаченко полез в палатку?

Она нашла его глазами. Петро стоял над обрывом, склонившись к пропасти, словно пытался там что-то рассмотреть. Инвер с Палычем выворачивали палатку. Палыч торопил, предупреждая о грядущем дожде.

– Не за фотиком он полез, а за вещами, – рядом с ними присела Ивашкина. – Хотел все вытащить, а потом палатку достать. Хотя могли бы и так тащить, нет там острых камней. – Темноволосая Катя болезненно прикрывала глаза и все норовила к чему-нибудь прислониться – в общей суете она участия не принимала, заметно выделяясь на фоне бестолковой спешки своим тяжелым болезненным равнодушием. Катя чувствовала неловкость оттого, что так некстати заболела, что заставила всех думать о себе плохо, что озаботила собою, что теперь ее рюкзак по частям разобран, и как она будет потом собирать вещи, неизвестно.

Юля смотрела на Петро, в который раз задавая себе вопрос: как же все это произошло?

Она его, и правда, увидела в чате. Ничего особенного. Парень как парень. Ну, симпатичный. У них в классе таких симпатичных найдется достаточно. Сфотографирован он был вполоборота со спины. Словно шел и его кто-то окликнул. Широкий шарф на шее, серая куртка с капюшоном. Выложил пару своих стихотворений. Коротеньких, в четыре строчки. Неплохие. Что-то в нем Юлю зацепило. Она долгое время не могла отделаться от этого взгляда через плечо, от шарфа, от серых глаз. Были и еще фотки. Он стоит на парапете – рубашка, джинсы, кроссовки с толстыми язычками, – смотрит вниз, в камеру наставлена только его лохматая макушка.

Она долго за ним наблюдала. А потом вдруг сообщение, что он собирается идти на Алтай в поход с клубом «Буревестник». Идея пришла мгновенно – вот он, шанс встретиться и все узнать. Ирку даже уговаривать долго не пришлось. Лето в городе – тоска. А это настоящее приключение.

Харина согласилась.

Первый же день родил вопросы. Петро оказался молчаливым и хмурым. Сидел в стороне, был отрешен от всего, вокруг него вился Мишка, назойливо садилась рядом Настя Федина. В их группе все уже некоторое время ходили в клуб, были знакомы, и только они с Ирккой оказались новенькими.

– Знаете, что такое поход? – пытался экзаменовать их Палыч, когда подруги первый раз пришли на сбор.

– Ну, – задумчиво повела глазами Ирка. В ее представлении поход был схож с увеселительной прогулкой. Приехали, палатки поставили, а дальше все гуляют по окрестности, любуются видами. – Знаем, – наконец решила она сознаться.

Юля молчала. Ее познания о походах заканчивались на просмотре фильмов «Высота» и «К-9». И в том и в другом герои, обвешанные веревками, карабкались вверх по обледенелым отвесным скалам, тащили на себе друзей, срывались, погибали, перед этим успев сказать несколько проникновенных фраз. Рюкзак, спальник, пенка и походные ботинки были уже куплены, все это по несколько раз паковалось и перепаковывалось. Второй день Юля бродила по квартире в трекинговых ботинках, проверяя свои ноги на выносливость. Нигде ничего не натирало. Все было хорошо. Несколько часов на поезде, и вот они уже были в Барнауле, оттуда в Горно-Алтайск, потом тяжелый шестичасовой переезд через Чекетаманский перевал в Чибитскую долину...

Молчаливый Петя сначала ей очень понравился. Как вдруг!

– Я ничего к себе не возьму!

Уже в поезде стало понятно, что Ивашкина заболела, поэтому первым делом стали «разбрасывать» ее рюкзак. Брали все. Кроме Ткаченко. Уперся, сел в сторонке, сложил на груди руки. Крику было много, но Петро был неприступен. Особенно наступала Федина, но именно на нее Ткаченко реагировал странно – фыркал и отворачивался. Насильно впихивать не стали. Палыч оставил крупу и тушенку около рюкзаков приятелей и ушел. Они долго шептались, Петро упрямо качал головой, и Мишка положил продукты к себе. На переходе через мелкую речку Царицын поскользнулся, ухватился за идущего впереди приятеля и плашмя рухнул в воду. Петро полетел следом, сильно ушиб колено. Пришлось останавливаться, бинтовать пострадавшую ногу, вставать на ночевку раньше времени.

И вот сейчас Ткаченко перебирает вещи, торчит на обрыве, словно что-то потерял. Палатка сложена и упакована в рюкзак Инвера. Мустафаев, как всегда, посмеивается, щуря свои большие карие глаза. Вот спокойный человек. Спокойный и такой... надежный.

Юля смутилась собственным мыслям. Не то все это было, не то. Откинула клапан рюкзака и стала в который раз проверять укладку – спальник внизу, пенка закреплена сбоку, с другой стороны бутылка воды, пакет с вещами на спальнике, папка-конверт с тетрадкой...

По пальцам пробежали неприятные мурашки.

Не может быть...

Спальник, вещи, звякнувшие миска с кружкой. Конверта с тетрадкой и книгой не было. Юля оглянулась, пытаясь вспомнить, как она укладывала рюкзак. Было это так – она подошла к нему сзади и стала по очереди все складывать. Спальник, куртка, вещи, конверт, кроссовки, шлепки... Неправильно! Куртка лежала на дне, и было это вчера. Вчера утром она клала конверт в рюкзак. А сегодня... Сегодня она конверт не видела. Утром Юля встала, достала миску с кружкой, потом упаковала спальник, вещи. Все. Конверта не было. Как же она могла о нем забыть? Последний раз она держала его в руках вчера вечером. Да, вчера... Записала события прошедшего дня, убрала дневник в прозрачную папку и?.. Кажется, она положила конверт на рюкзак, потом ее отвлекла Харина. Все.

Неприятно заколотилось сердце. Погодите, этого не может быть! Конверт просто выпал. Вот прямо сейчас взял и выпал!

Юля перекатила своего зеленого крокодила с боку на бок. Недовольно скрипнула пенка.

Конверта не было. Большого прозрачного конверта с дневником, любимой книжкой с гороскопами и... и распечаткой разговоров в чате.

2. Покровитель тропы

Труд для Девы главное. Следуя за своей планетой, Меркурием, она ищет знаний, чтобы подчинить вещественную природу своему уму. Однако также Дева может стать сплетницей, критиковать и высмеивать людей, которые отстают от нее по своему уровню развития.

Накрапывающий дождик делал шагающих людей одинаково серыми. Даже Юлина зеленая куртка от измороси потемнела и посерела. Рюкзак с каждым шагом становился тяжелее, но еще тяжелее были Юлины мысли.

Кто?

Как в дурном детективе. Десять человек, и каждый мог зачем-то залезть к ней в рюкзак. Два вечера она сидела около костра, заполняла дневник, и ни у кого даже вопроса не возникло.

Вчера он еще был, а потом растворился в воздухе.

Десять человек! Кто?

Харину с Олегом Павловичем можно вычеркнуть. Взрослому ее дневник не нужен. Ирка тайны хранить не умеет, проговорится тут же. Да и зачем ей конверт? Что она с ним будет делать? Прочитает, что про нее думает Юля, ну и что? Ничего нового там нет. Дружат они давно, двадцать раз ругались, расходились и вновь становились закадычными подружками. Ирка для Юли была чем-то вроде щита. За ее шумностью, разговорчивостью и повышенной активностью можно было легко спрятаться, подумать, оценить ситуацию. Только Ирка могла согласиться на такую аферу, как поход. Она мгновенно загорелась этой идеей, тут же купила все, что нужно, и опомнилась лишь здесь, на Алтае, когда бежать уже было некуда, когда автобус, привезший их к веселой речке Чуя, упылил прочь.

Не станет Ирка красть дневник. Если бы он ей понадобился, она бы взяла в открытую – схватила бы с Юлиных колен и начала бы бегать по всему лагерю, демонстративно потрясая тетрадью. К тому же, узнай она из него что-нибудь неожиданное, сразу бы дала знать. Обиделась бы, подняла крик или начала тыкать пальцем в возмутившие ее места. Не обиделась, не подняла, не начала, значит, не трогала она папку.

Ирка пыхла впереди, прежде чем ступить на камень, старательно подпрыгивая на одной ноге – шел затяжной подъем в гору.

Не было у нее дневника, точно не было.

Харина остановилась, собираясь с силами, чтобы подняться на новый приступок. Юля машинально подставила ладонь под днище ее рюкзака, рывком помогая подруге вздернуть себя наверх.

– Ты чего? – испуганно оглянулась Ирка.

– Ничего, – опустила глаза Юля. И как можно было подумать на подругу?

Юля на секунду задержалась, окидывая взглядом всю колонну, но сзади ее тут же догнал топот Инвера, и она снова пошла.

Десять человек... Может, потерялся? Право же, кому интересно знать, что она Дева, что сделала себе несколько расчетов гороскопа, что увлекается она хиромантией и гаданием по «Книге Перемен». Что такой же расчет она сделала и на Петьку. Да кому вообще интересно знать, что ей понравился Ткаченко? Мало ли кому кто нравится...

Она представила узкий пятачок поляны. Три палатки. Одна маленькая, стоит около обрыва. В ней спят Петро, Мишка и Инвер. Мустафаев присоединился к этой компании позже остальных. Поначалу он держался около Сережки, но тот быстро уболтал его, и Инвер после первой ночи прибил к друзьям. Просторная высококупольная белая палатка «Зима» – Олега

Павловича. Сначала думали, что все мальчишки будут спать там, но Мишка притащил свою палатку, поэтому под широким белым тентом теперь обитали руководитель, Сережка да Катя – Палыч взял ее к себе, чтобы она не заразила никого в палатке девчонок.

В их палатке с оранжевым тентом было тесновато. Лебедева места много не занимала, Настя тоже, а вот Ирка любила спать с шиком, раскидывалась ночью, так что ее никакими силами невозможно было сдвинуть. Первую ночь терпели, на вторую стали делать замечания. Но Харина только скалила большие крепкие зубы – за себя в сонном состоянии она не отвечала.

Юля пыталась представить перемещение дневника со вчерашнего вечера и... ничего необычного не вспомнила. Убирала она его. Точно убирала! Перед глазами четко вставала картинка, как кладет она папку на пакет с вещами, как прикрывает курткой, чтобы в случае сильного дождя не промокла...

Первым в колонне шагал Олег Павлович. Он чуть косился на тропу поверх очков, словно не доверял тому, что видел. Рюкзак у него был огромный, однако нес он его легко, даже вперед не клонился, как будто за спиной у него не было этих килограммов. Не нужны ему Юлины гороскопы.

За ним, чуть покачиваясь на узкой тропе, шла Ивашкина. Когда Катина нога встречалась с неровностью, девочка чуть отводила руку в сторону, словно искала невидимые перила для опоры. Она с таким трудом взбиралась на малейший уступ, так сильно сгибалась, что, казалось, вот-вот ляжет. Но Катя не ложилась, а упрямо двигалась вперед, низко надвинув капюшон непромокаемой куртки себе на нос. Она вполне могла спрятать конверт под курткой, чтобы потом где-нибудь в укромном уголке все прочитать. Зачем? Ну, узнает она Юлину тайну. И что будет с ней делать? Побегит обо всем рассказывать Ткаченко?

Бочарникова снова подняла глаза на черную Катину куртку. Все утро она просидела около Юлиного рюкзака, думала что-то. Вот и надумала?

Легко прыгая с уступа на уступ, постоянно налетая на Катю, следом идет Сережка. Кажется, он всю дорогу сдерживается, чтобы не расхохотаться. Ему что дождь, что солнце – все равно. Он идет в своих неизменных кедах, которые давно промокли, в кепке и джинсовке нараспашку. Его грязно-зеленые штаны темны до колен от воды, но Юля была уверена, что Сережка этого не чувствует, как не чувствует за своими плечами рюкзака и вообще не замечает каких-либо трудностей похода. Сережке точно не нужны чужие конверты. Что ему с Юлиных тетрадок? Он кажется настолько открытым, что обман в его веселой душе не уживется.

За Сережкой шли Петька с Мишкой. Не так – Петро с Мишкой. Федина сразу же предупредила Юлю, что все его зовут именно так. Ткаченко здорово хромал, но старался не отставать от приятеля. Он перекидывал из руки в руку палку, словно не мог решить, какая нога у него болит больше. Они? Снова не похоже. Зачем мальчишкам что-то красть?

Оставались еще две девчонки. Жгучая брюнетка Настя Федина и бледная Оля Лебедева. Лебедева вообще казалась не от мира сего. Бесцветная, неразговорчивая, она молчала не потому, что много думала, а потому, что мыслей своих у нее не было. Ей и в голову не придет у кого-то что-то воровать. Федина? Эта может. Они с Юлей сразу не понравились друг другу. Активная Настя тут же продемонстрировала новеньким, что на присутствующих парней они могут не рассчитывать, все давно разобраны. Чутье у Насти было феноменальное. Юля старалась никак не показывать своего интереса к Ткаченко, специально отходила подальше, но что-то ее постоянно выдавало, и Федина начинала сверлить ее недовольным взглядом.

Шагающего сзади Инвера Юля считать не стала. Он был простой, как ровная дорога. Такому тетрадь точно не понадобилась бы.

Оставалась Федина. Да, больше некому. Теперь надо было все точно разузнать и попытаться вернуть свои неосторожные записи до того, как о них узнает вся группа, включая Ткаченко.

Юля недовольно сверкнула глазами в сторону голубой Настиной куртки.

– Иди уже, да! – привычно подогнал ее Мустафаев.

В ответ Бочарникова даже не подумала обидеться. Наоборот, она была благодарна Инверу. Хорошо, что он идет замыкающим. Хорошо, что именно его Палыч поставил в конец колонны. Не Сережку или Мишку, и тем более не Петро. Иди за ней Ткаченко, она не знала бы, куда себя деть, а так, рядом с Мустафаевым, можно было ни о чем не думать.

Хотя думать и так не получалось. Тяжелая дорога, ускользающие из-под ног камни, оттягивающий плечи рюкзак и методичное переставление ног. Правая, левая, правая, левая, раз, два, раз, два... И только сопящая перед ней Ирка вызывала глухое раздражение. Своим рюкзаком она загораживала Юле весь мир. И Петро в том числе.

Непогода заставляла идти без привала. Маленькие десятиминутные остановки только расстраивали, надевать рюкзак с каждым разом становилось все сложнее и сложнее. Он тянул к земле, предлагая задуматься: а стоит ли идти дальше?

Куда еще можно спешить, если и здесь было невероятно красиво! С каждой кедровой иголочки свешивалось по дождинке, они, как маленькие драгоценные камешки, украшали дерево, готовые в любую секунду прыгнуть на проходящего мимо человека мелким дождем. Облако село на макушки высоких елок, невесомой ватой легло на плечи деревьев. Дождь больше не шел, но сам воздух был наполнен водой. Она оседала на лице, на руках, на куртке, казалось, еще чуть-чуть, и дышать станет нечем.

– Ну, чего топчешься? Вот ведь Дева, блин! – раздалось за спиной сразу же, как только Юля остановилась, чтобы удобней перехватить лямки рюкзака.

– Почему Дева? – медленно повернулась она, пристегнутой пенкой задев замешкавшегося Инвера.

– Потому что такая же, как моя сестра. Думаешь много. – Мустафаев щелкнул пальцем по кепке, сбивая дождинки. – Она как уставится в одну точку, ничем ее не проймешь.

Юля тряхнула головой, прогоняя нехоти забредшие туда мысли, а заодно и капли с козырька капюшона на куртке. Чего она вдруг так испугалась? А, из-за гороскопов...

– Когда родилась твоя сестра? – От разговора дыхание сбилось, Юле пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

Что-то она нервная стала с этой тетрадкой, готова теперь всех подозревать.

– 28 августа. – Инвер недобро улыбнулся. – И нашла когда родиться! Вроде еще каникулы, но народ уже вернулся в город, можно шумно праздник отмечать. А меня из дома каждый раз выпирают.

– Конец августа, сосна, – машинально определила Юля. – Она, наверное, в школе хорошо учится.

– Зануда, – согласился Мустафаев. – И не сосна, а дуб. Хоть бы что полезное когда сделала. Носится все со своим бисером.

Юля кивнула и зашагала вперед. Ей тоже нравилось все мелкое – вышивание, плетение, макраме...

Она обогнала остановившуюся передохнуть Ирку, прибавила еще шаг, дернула за хлястик Лебедеву, заставляя ее притормозить, и в два широких шага догнала быстроногую Федину.

Какое-то время они шли друг за другом, Юля ухитрилась подстроиться под широкий Настин шаг. Ей даже показалось, что она дышит с ней в такт.

– Смотри, колокольчик! – Остановилась вдруг Бочарникова, показывая на высокий зеленый стебелек с сиреневыми опущенными чашечками.

– Ой! – споткнулась на ровном месте Настя. – Ты чего здесь делаешь? – зло посмотрела она на Юлю. – Ты же в конце шла.

– Догнала, – дернула плечами Юля, не в силах отвести взгляда от Настинного рюкзака. Дневник был там! Она его чувствовала. – Колокольчик, цветок Близицево.

– Ну и что? – Настя пошла быстрее прежнего, стараясь оторваться от Бочарниковой.

– А ты кто по знаку Зодиака? – Ни скользкая дорога, ни тяжелый рюкзак сейчас не могли помешать Юле идти рядом с Фединой. У нее к Насте был разговор.

– Скорпион! Дальше что? – бормотала Фебина себе под нос, надеясь, что таким отношением отгонит назойливую собеседницу. Но Юля не сдавалась.

– А какого числа? – шла она вперед.

– Одиннадцатого. Дальше что? – Настя так посмотрела на Юлю, что та попятилась.

Одиннадцатое ноября! Рожденным в этот день покровительствует орхидея, самый таинственный цветок. Сомнений больше не было. Это Фебина.

Демонстративно сильно наступив в маленькую лужицу и обдав Юлю фонтанчиком брызг, мимо протопала Лебедева. Тихая, тихая, а вон как обиделась, что ее обогнали.

– Фу, черт! – Ирка обрадовалась возможности остановиться. – Ноги не идут. Я хочу, чтобы они шли, а они не шевелятся.

– Ну, вы идти собираетесь? – снова налетел на них Инвер. – Чего трепаться! Гора не ждет!

– Шел бы ты сам! – парировала Ирка.

– От твоих криков сил не прибавится, – разозлилась наконец и Юля. – Сколько можно шуметь! Поставили замыкающим, вот и иди замыкающим. А если не можешь...

– Болтовню вашу слышать не могу, – выпалил Мустафаев и ушел вперед.

– А то потеряемся без тебя! – крикнула ему вслед Харина, подняла кулак, чтобы погрозыть, но сразу же опустила руку. – Знаешь, какая у меня родилась идея? – повернулась она к подруге. – Вот бы сесть на рюкзак, а он бы меня понес. Взлетел так над тропой и плавно поплыл. А я бы сверху сидела.

Юля хмыкнула, глядя вслед исчезающему в серой измороси Мустафаеву.

– Или пошли бы ноги отдельно от меня, – фантазировала Харина. – Они бы так налегке быстренько пробежали, а я бы к ним потом присоединилась. Ведь если без ног, то и тяжести никакой нести не надо, да?

– Чего ты выдумываешь! – Казалось, Юля только сейчас расслышала слова подруги.

– А чего мы все идем и идем, а вокруг одно и то же?

Теперь они шли рядом. Иркина болтовня заметно облегчала дорогу.

– Мимо этой елки мы уже проходили. – Харина махнула рукой, заставляя еловую ветку обрушиться на них маленький дождик. – Вот ведь! – Ира резво отбежала в сторону только для того, чтобы получить новую порцию дождинок с другой ветки. – Я уже вся намокла!

– Если бы мы здесь проходили, то ветка была бы сухая, – усмехнулась Юля и вдруг заметила слева высокую зеленую былинку с фиолетовыми чашечками. – Колокольчик, – одними губами произнесла она.

– Стоило ехать так далеко, чтобы встретить все тот же колокольчик, – проворчала Ирка.

Колокольчик уже был. Она на него еще Фединой показывала.

– Цветок Блинецов, – так же машинально пробормотала Юля.

– Ой, и откуда ты только все это знаешь?... – тут же подхватила новую тему разговора Ирка.

– Читала, вот и знаю, – Юле не казалось это таким уж удивительным.

– Ой, подумаешь! Грамотная нашлась! – закатила глаза Харина. – А то мы как будто бы на «Букваре» остановились. «Cosmo» читаем ежемесячно. Ты мне лучше вечером мое созвездие покажи. Я хоть посмотрю, как оно выглядит.

– В сентябре посмотришь, – покачала головой Юля. – Сейчас осенние знаки хорошо видны.

– Ну, хоть осенние, – согласилась Ирка. Ей было безразлично, на какие созвездия смотреть. Все равно, кроме Большой Медведицы, она ничего не увидит. Даже Малую найти не могла.

– Федина эта какая-то странная, – Юля потупилась. – Неприятная.

– Дура потому что, – легко вынесла свой приговор Ирка.

– Не то... Какие-то они на пару с Лебедевой... – Бочарникова растопырила пятерню, посмотрела на испачканную ладонь, на собравшуюся в морщинках грязь и стала вытирать руки о штанину. – Тебе не кажется, что они все что-то скрывают?

– Главная их тайна, что будет приготовлено на ужин, – довольно хихикнула Ирка.

– Не то... – повторила Юля.

– Ты думаешь, они заныкали батон колбасы и трескают его по ночам? – От неловкого движения Ирка чуть не растянулась на скользкой тропе, резко качнулась и вдруг захохотала. – Да все они здесь... с шоколадками под подушкой!

Юля тоже рассмеялась. Они немного постояли, собираясь с силами, чтобы идти дальше.

– Мне порой кажется, что мне в рюкзак кирпич подбросили, – вздохнула Ирка, собираясь с силами, чтобы сделать первый шаг. И Юля не выдержала:

– Тебе моя тетрадка не попадалась? Ну, та, что я все время в конверт такой прозрачный клала?

– В конверте своем и смотри. – Харина сделала несколько шагов, как вдруг смысл сказанного дошел до нее. – Ты потеряла дневник?

– Делся куда-то, – Юля уже начала жалеть о своих словах. – Я думала, может, к тебе сунула?

– Ща глянем. – Ирка лихо сбросила рюкзак на склон.

– Пойдем, после, – потянула Юля подругу дальше, но Харину было не остановить.

Не обращая внимания на капающий с веток дождь, Ирка отщелкнула клапан и стала распускать веревки. Конечно, там ничего не было. Но для того чтобы убедиться в этом, пришлось перевернуть весь рюкзак – сверху оказался спальник, не достав который никак нельзя было добраться до дна. Потом у них уехала по склону вниз миска, потом ложка провалилась в рюкзак под ботинки. На вынутый спальник капали дождевики.

– А чего я свой рюкзак переворачиваю? – возмутилась Харина. – Сейчас будем твой смотреть! – Она потянула к себе Юлиного зеленого крокодила.

– Нету там, я все перекопала, – Юля положила сверху ладонь, не давая подруге коснуться клапана.

– А чего сразу не сказала? – Ирка задрала голову, с удивлением посмотрела на хмурое небо, словно ей обещали прямо сейчас включить солнце да обманули. – Мы бы всех на уши поставили.

– Не надо на уши. – Юля с тревогой покосилась на пустую тропинку. Она не слышала ни шагов, ни разговоров ушедших вперед. Были только деревья, горы и шум ветра. – Сам никто не признается, только разговоры пойдут. Давай двигаться, а то все ушли давно.

– Куда они отсюда денутся? – отмахнулась Ирка, с трудом запихивая спальник в неожиданно раздувшийся рюкзак. – Будут идти, пока не остановятся. Там мы их и догоним.

Юля с сомнением посмотрела вокруг. Вряд ли кто-то их будет ждать. Если только Палыч не настучит Инверу по башке за то, что он их оставил. А до тех пор будут идти в полной уверенности, что все в порядке.

– А чего у тебя такого в дневнике, что ты всполошилась? – Клапан не застегивался, и Харина натужно пыхтела, стараясь соединить две части замка.

– Кому какое дело, что я там пишу! – В нетерпении Юля надавила сверху, заставив замок защелкнуться.

– Разведут твоим дневником костер – на этом все и закончится. – Ирка поморщилась, примеряясь, с какой стороны подойти к внезапно перекосившемуся рюкзаку.

Юля была другого мнения, но высказывать его не стала. Колокольчик, вздрагивающий от редко падающих дождинок, смущал ее. А ну, как и правда заблудятся?

Но тропа была одна. Она упрямо карабкалась вверх, подставляя под ноги для удобства туристов крупные камни.

– А Ткаченко говорил, что камни вдоль дороги не просто так стоят. – После отдыха Ирка зашагала бодрее. – Он говорил, что в этих камнях живут духи дороги, и если к ним обращаться, то они будут помогать в пути.

– Дорожку стелить? – Юля поправила выбившийся из-под капюшона светлый локон.

– Дорога может быть легкой или сложной, – Ира взмахнула руками, оскальзываясь на подъеме. – Ну, идти может быть тяжело или не очень. И если у духов просить помощи, то дорога всегда будет легкой. – Она охнула и сползла на коленках по склону.

– Плохо просила, – Юля подставила под ногу подружки свой ботинок, и та перестала съезжать. – И Ткаченко твой тоже плохо просил, раз хромает на обе ноги.

– Не успели попросить. – Харина протянула руку, чтобы Юля помогла ей встать. Рука была в свежей грязи, с ладони коричневая жижа сползала за рукав куртки. – Мы сначала просто камни искали, ну, кто больше застолбит, а потом... – Юля подхватила подружку под локоть и рывком поставила на ноги. – А потом Петька упал.

– Дурак твой Петька, – вынесла свой приговор Бочарникова. Прямо перед ней торчал большой валун, наполовину затянутый напитавшимся влагой мхом.

– Разлюбила, что ли? – Ирка махнула руками по штанам, еще больше размазала грязь и обреченно смирилась со своей участью идти дальше в мокрой одежде.

– Надоел.

Юля стояла около валуна, вглядываясь в изъеденные морщинами бока. Мох прикрывал макушку камня, зеленым париком огибая острые выступы. От этого валун становился похож на человека, спрятавшего глаза в тяжелые русалочьи волосы. И эти глаза очень внимательно смотрели на Юлю. Смотрели неотрывно. Смотрели пристально. Бочарникова отступила. Взгляд переместился, снова остановившись на ней.

– Здравствуйте, – неловко кивнула она. То ли свет так лег, то ли промелькнула быстрая тень, но Юле показалось, что камень кивнул в ответ. – Мы пойдем, да? – Юля запнулась на ровном месте, коснулась ледяного бока. – Ой, простите, – прошептала она, отдергивая руку. – Спасибо!

– Мой следующий будет, – протопала мимо Ирка.

Юля пошла было следом, но оглянулась. Валун больше на нее не смотрел. Он задрал свой каменный нос вверх, хмуро изучал низкое небо, как бы спрашивая, когда эта непогода закончится.

– Мне кажется, я знаю, кто взял, – заторопилась следом за подругой Юля. – Настя. Она так странно на меня смотрит.

– Федина? Ей-то зачем? Я понимаю, кто-нибудь другой.

– Кто?

– Ну, кто... – Ира, натужно сопя, ползла вверх. – Я, например. Это было бы понятно, мы подруги. Какая польза Фединой? Там про нее ни слова.

Юля остановилась, глядя, как серый рюкзак рывками поднимается наверх. Про Федину там, может быть, и есть парочка упоминаний, но зато много всего остального. О том, что нравится ей, Юле Бочарниковой, например. И вот это Федину точно заинтересовать не могло.

Какое-то время они шли молча. Дорога перестала подниматься и теперь скользила вдоль густого леса. Поддерживаемый редкими елками, склон катился вниз, достигал низшей точки и так же неспешно взбирался наверх, переходил в каменистую россыпь и заканчивался огромным плато, от которого видны были только ровный край да начинающаяся за кромкой зелень.

Идти было неудобно. Тропа, как и весь склон, была опущена влево, отчего ногу все время приходилось ставить неровно.

– Ну, и где все? – Ирка вскинула рюкзак выше на спину. – Сколько еще идти?

Юля с неудовольствием вспомнила валун. Кто сказал, что дух дороги должен помогать? Может, он вредный? Специально вылез на тропу, чтобы портить настроение туристам?

– Давай кто-нибудь сбегает вперед, попросит, чтобы нас подождали? – с тревогой спросила она. Вокруг стояла подозрительная тишина, даже птицы не пели. Шоркнуло в кустах. Юля обернулась. Никого. Деревья стояли притихшие. И только туман медленно полз с ветки на ветку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.